

Берлин — Орловка — Берлин

Вася, дружище, здравствуй!
Шлёт привет тебе из самого Берлина сосед твой бывший и корефан закадычный — Мартын. Только теперь не Мартын я уже, а Мартин, как меня, на западный манер, презвали хозяева. Ты не смейся, тебя бы тут тоже в два счёта презвали. Не был бы ты никаким Василием, откликнулся бы на Базиля. Это в лучшем случае.

Вон попугая нашего, Петровича, новая хозяйка вообще Зефиром кличет. Правда, он на это кондитерское имя принципиально не отзывается. Не то, что мои бывшие хозяева. Те не только фамилию всей семьёй сменили, но даже имена свои перекрутили: дядя Миша стал Михаэлем, тётка Людка — Людией, Андрюшка — Андреасом, Варька — Барбарой. Чувствую, ты сейчас ухохатываешься. Я тоже помирал со смеху, услышав, как наша толстуха представилась кому-то по телефону: «Барби!».

Спрашиваешь, почему они бывшие? Да потому, что нас с Петровичем самым наглым образом продали одной местной немке — фрау Кунт. Если быть до конца честным, то продавали исключительно Петровича. За меня, беспородного, и цента ломаного никто не давал. Типа я физиономией не вышел, в хозяйстве бесполезен и жру, как паровозная топка.

Обидно — жуть! Варька своей тушей очередные весы сломала, а мне полкотлеты на ужин пожалели. И после этого Мартын — топка!

В знак протеста я по всей квартире расшвырял наполнитель из своего лотка, сбросил с подоконника горшок с геранью, покатался на новых тюлевых занавесках, порвал Варькины любимые колготки. Надеюсь, что хозяева сделают правильные выводы.

Куда там! Вместо этого меня отлупили шлёпанцем, пообещав подарить своим врагам — соседям Мюллерам, чтобы тем нечаянно было анонимки на них строчить.

А ещё тётка Людка решила, что их семье не везёт на новом месте потому, что в квартире живёт чёрный кот — я, то есть. Мол, ехали они «Берлин брать», а вышло так, что тот сам их взял за грудки.

Зудела она, зудела, и дядя Миша пообещал ей прихватить меня на рыбалку и там «потерять». Но тут в пятницу явилась за Петровичем покупательница и взяла меня в придачу к попугаю.

Нет, котов она вовсе не любит — деваться было некуда. Петрович такой концерт устроил: крыльями хлопал, клювом клетку долбил, орал, как резаный: «Где Маррртын, изверрргги? Где Маррртын?», что пришлось ей меня на поводке домой тащить.

Нет, Вася, я не заговариваюсь. Здесь котов водят только на поводках — порядок такой. Это в России мы гуляем сами по себе, тут же каждый закреплён за определённым адресом и прогуливается исключительно в сопровождении хозяина. По-другому не получается: если высунулся из подъезда, назад уже не войдёшь — дверь автоматически защёлкивается.

Прогулки эти, Вася, — чистая пытка. Ползаешь по скверу со скоростью гусеницы. Ни побегать, ни порезвиться, ни мышшь поймать. В центре процессии — фрау Кунт в спортивных ботинках, клетчатых штанах, с неизменной сигаретой во рту. Я её за мужика принял, когда впервые увидел. У бабульки хриплый голос и такая же причёска, как была у вашего Димона, когда он из армии вернулся.

Слева от хозяйки обычно семенит её любимец — вислоухий пудель Штемми в дурацком вязаном костюмчике с капюшоном, справа — я, без костюмчика, зато с маленьким зонтиком, закреплённым на поводке. Навстречу нам чинно шествуют другие четвероногие в прикольных одежках: комбинезонах, курточках с рюшами, меховых жилетах, дождевиках с рюкзаками.

В последнее время в звериную моду вошли светящиеся в темноте очки без стёкол, такие же ошейники и поводки с крохотными лампочками внутри. Фрау Кунт собирается и нам со Штемми купить эту иллюминацию. Представляешь, как я буду выглядеть ночью? Наш Полкан обмочился бы со страху, приняв меня за собаку Баскервилей. До утра будем заходить.

Местные же псы не лают совсем. Говорят, им подрезают голосовые связки, чтоб они не нарушали ночной покой бюргеров. И на нас они тоже почему-то не бросаются. Встретив на улице, равнодушно проходят мимо.

А коты здесь все ленивые, толстые, с бантами на шеях. Они мало двигаются и мышей не ловят совсем. Их немцы с самого рождения кормят «Вискасом», «Фрискасом» и «Китикэтом». Ты спросишь: «Кто же тогда гоняет местных грызунов?» А никто.

Одно время Берлин наводнили крысы. На Александрплац от них ступить было некуда. Городские власти предложили их уничтожить местным нищим. За каждую тушку давали один евро. Думаешь, те кинулись зарабатывать? Как бы не так! Им легче бутылки по забегаловкам собирать. Такие тут «бедняки».

Да спусти меня сейчас с поводка, я за «евро-штука» всех крыс из метро самолично изведу. И мне прибыток, и «зелёным» приятно.

«Зелёных» тут боятся даже городские чиновники. Стоило последним озаботиться уничтожением грызунов, эти — тут как тут с транспарантами в зубах: «Убийство крыс ногами и палками нарушает закон о защите животных!». Видели б они, как наши орловские бабы с грызунами расправляются, речи бы лишились.

У немцев ведь живую тварь даже ударить нельзя. Да что там ударить — из дому выгнать закон не позволяет. Кто нарушит, тому — штраф огромный. Тут же, если какой хвостатый потеряется, на другой день уже все столбы оклеены объявлениями с его фотографией: «Пропал домашний любимец. Просим вернуть за вознаграждение».

Ты, Вася, спросишь, как же при этом дядя Миша собрался меня «потерять». А ему что — он на иждивении у государства. Социальную помощь получает. У моих бывших хозяев всё казённое: и квартира, и обстановка, и одежда, и харч.

На жизнь хватает, а на наше с Петровичем содержание — нет. Тут же как: завёл зверя — корми его специальным кормом, регулярно выгуливай, делай положенные прививки. Если захворает, вези к ветеринару. А услуги немецких Айболитов настолько дороги, что больного проще удавить.

Поскольку с последним в Германии очень строго, хозяева продают животное или сдают его в питомник. Не удивляйся, тут даже для брошенных растений приёмы завели. Надоело тебе с цветком возиться, приносишь горшок к специальному контейнеру, ставишь его туда, и за судьбу растения можешь быть спокойным.

В общем, Вася, в этой стране — сплошной порядок, «орднунг» по-немецки. Везде чисто — плюнуть некуда, не то, что по нужде сходить. Тут — только на лоток с песком. А если на прогулке прижмёт, хозяева тут же «кренделя» твои совочком сгребают, складывают их в кулёчек и выбрасывают в урну. Иначе — штраф немалый.

Однако земляки наши не торопятся немецким законам подчиняться. То птиц кормят, вопреки запретам, то псов без намордника выгуливают, то рыбу неграмотно ловят.

С рыбалкой у немцев вообще сплошная комедия. Чтобы поймать паршивого карасика размером с перочинный ножик, следуют получить специальный документ —

Татьяна ОКОМЕНЮК

Германия

удостоверение рыбака. Для этого нужно заплатить кругленькую сумму, честно отсидеть все семинары, потом сдать экзамен.

Ты не поверишь, но пойманную рыбу требуется измерять линейкой, чтоб, по случайности, мелкую не прихватить. Не дотягивает миллиметр до габаритов — выбрось обратно в воду, от греха подальше. Дотягивает — не позволяй мучиться: оглуши её дубинкой. И пока рыбина в обмороке валяется, ножом — ей под жабры. После этого заносишь «улов» в протокол, иначе опять же — штраф.

Такими темпами, конечно, много не натаскаешь, да и рыбка здесь мелковата. Не то, что орловские карпы: в воду зайдёшь — без хвоста останешься. И вкус у немецкой не ахти. Я, правда, ел её всего лишь раз — дядя Миша на рыбалке мелочёвкой расщедрился.

А фрау Кунт мне рыбы не даёт. Говорит, что она вредна для кошачьего здоровья. Видел бы ты, Вася, чем она меня кормит! Кошачьими консервами с какими-то противными витаминными добавками. Они тут все на концентратах сдвинуты. Даже коров своих потчуют сухим кормом, вот у последних и получается порошковое молоко. Я, правда, и порошковое ел бы, если б только давали...

Зашли мы как-то к приятельнице хозяйки — фрау Грубер. Та угостила меня кусочком чудной «Майской» ветчины. Так Кунтиху чуть инфаркт не хватил. Во всё горло орала, что кормить животных человеческой едой — преступление.

Сама она — вегетарианка, трескает исключительно салаты. Из холодильника даже стащить нечего. Там одни травы и водоросли...

А помнишь, как мы у бабы Мани шмат сала из погреба умыкнули? Знатное было сало! А как мы с тобой у тётки Людки свежевзбитые сливки вылакали прямо из горшка, а попало Варьке с Андрюхой? Они нам потом за это усы отстригли, чтоб на молочку нюх отбить. Садисты!

Сливки те мне каждую ночь снятся... Мурррр...

Ты, небось, и сейчас, как сыр в масле катаешься. А я тут на дистрофика стал похож — две кости и стакан крови. Из-за этой германской диеты у меня шерсть склеивается и выпадает. Скоро буду лысым, как дядя Миша. А хозяйка, вместо того чтоб кормить по-человечески, купает меня в чём-то вонючем и втирает в проплешины какое-то масло. Лучше б она валерьянку втирала, которую по ночам в одно горло хлещет.

Ты не представляешь, братуха, какой мукой для меня является тёмное время суток. Фрау Кунт шуршит таблетками, пшикает себе в рот ингалятором, перекачивает пятками резиновый мячик с шипами. Нервы так успокаивает, если кошмар какой приснится.

Вот недавно привиделось ей, что внезапно закончился корм для её Штеммика. Вскочила она на ноги, помчалась в кладовку, убедилась, что тринадцатиклограммовый пакет «Педигри» на месте, и пошла на кухню валерьянку пить.

Я, конечно, пыток этих не выдержал. Дождлся, пока она уснёт, прыгнул на стол и сбил пузырьк на пол. Тот — вдребезги. Пока бабулька искала источник шума, я успел слизать с паркета всю лужицу.

Что тут началось! Крики, угрозы, рукоприкладство... Если б не Петрович, истощно заоравший: «Смеррртт фашистским изуверррам!», неизвестно, чем бы всё и закончилось. А так она вмиг остыла: гоняться за мной перестала, пошла лекарства свои принимать.

Хозяйка Петровича уважает, так как он — правильный иностранец. Его далёкие предки жили в эвкалиптовых лесах Австралии, Корелла их фамилия. За это Кунтиха купила ему огромную клетку с колокольчиками, лесенкой и качелькой. Всё время попку гладит, приговаривая: «Скоро Зефирчик по-немецки заговорит!».

Тот же на все её подлизывания реагирует одинаково: «Ррусские всегда бивали пррусских!». Этому он у дяди Миши научился, когда тот собачился с тёткой